

Посвящается Поппи

ЧАСТЬ I

В стародавние времена, когда были боги ещё юны, а Астард только возведён, из-за предела миров явилась ведьма. Она знала много древних заклятий, но особенно сведуща была в сейде, особом колдовском искусстве, что позволяло странствовать вне тела и провидеть будущее. Когда Один, первый среди асов и асинь, прознал о её умениях, так возжелал он заполучить эти знания, что предложил ей сделку: она наставляет его в искусстве сейда, а в обмен он раскрывает ей тайны рун.

Сперва колдунья колебалась, ибо слышала она об Одине много такого, что рождало сомнения в верности его обещаний. Но также знала она, что одноглазый бог редко делится своими секретами, а это означало, что её знания о сейде должны быть для него немалой важности. Поэтому отбросила она подозрения в отношении мрачного аса и приняла его предложение. И так они стали вместе творить сейд.

Постепенно начала замечать ведьма, что странствия её вне тела становятся всё дальше и опаснее, чем когда-либо прежде. Как-то раз чуть не утянуло её в место мрачнее, чем даже начало времён. Бездна эта испугала её, ведь тайны, заключённые в ней, были так велики и ужасны, что не осмелилась она их тревожить — к великой досаде Одина, ибо знание, что алкал он превыше

всего, было сокрыто в сей бездне. И казалось ему, что только ведьма может дотянуться до него.

Но не только Одина наставляла в сейде колдунья — знаниями своими она делилась также и с ванами, давними соперниками асов, чей мир встретился ей на пути в Асгард. Не было между ними заключено никаких сделок, и ваны не знали, чем отплатить ей за науку, кроме как золотом, хотя богатство её вовсе не прельщало.

Прознал Один, что ведьма свободно ходит между Асгардом и Ванахеймом, и замыслил наконец добить-ся своего. Настроил он асов против своей наставницы и оклеветал её, назвав Гульвейг, «Жаждущей злата». И поверили асы, и пронзили её копьями. Трижды сжигали они тело её, и трижды она возрождалась, ибо долго жила она на свете, была очень могущественна, и убить её было не так-то просто.

Всякий раз, когда ведьма страдала в пламени, Один пытался заставить её воспользоваться сейдом и спуститься в бездну за тем знанием, что так жаждал, но каждый раз удавалось ей противостоять ему. Узнали ваны о том, как обращаются их недруги-асы с колдуньей, и пришли они в ярость, и началась первая война между мирами.

Возродившись из пламени в третий раз, Гульвейг бежала, но кое-что после неё осталось: её сердце, всё ещё дымящееся на погребальном костре.

Там *он* его и нашёл.

Некоторое время спустя поиски привели его в самый дремучий и мрачный лес на дальнем краю Ётунхейма, стране ётунов-великанов, злейших врагов асов. Этот лес назывался Железным, и его искорёженные

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

серые деревья росли так часто, что между ними не найти было и тропинки, а их узловатые сучья тянулись так высоко, что заслоняли собой солнце.

Однако ему не пришлось углубляться в чащу, так как ведьма нашлась на берегу реки, что отделяла Железный Лес от остальной части Ётунхейма. Глядя на часток стол деревьев за гладью реки и горы над ними, она сидела на грубом шерстяном одеяле, накинув на плечи толстый плащ и надвинув на голову капюшон. Светило солнце, но она расположилась в тени, сложив руки на коленях и прислонившись к стволу дерева.

Некоторое время он, переминаясь, наблюдал за женщиной, почёсывая нос и прислушиваясь к причудливому журчанию реки и щебету певчих птиц, а затем неторопливо подошёл к ней, сцепив руки за спиной. Ему была видна только нижняя половина её лица, и кожа на ней казалась розоватой — нежной, заживающей, *обновлённой*. Подойдя ближе, он заметил, что кожа на её руках выглядела так же. Казалось, колдунья мирно отдыхает, и отчасти ему не хотелось беспокоить её. С другой стороны, он всегда находил саму идею *мира* довольно скучной.

— И долго ты собираешься там стоять? — поинтересовалась она хрипло. Голос звучал так, будто она с рождения ничего не пила. Вероятно, подумал он, так и бывает, если трижды подышать дымом собственного погребального костра.

— Тебя непросто отыскать, — ответил он.

По правде говоря, ему было непонятно, что делать дальше. Он пришёл вернуть ей то, что она оставила в чертоге Одина, — но хотел чего-то большего, хотя он и не знал, чего именно. Что-то влекло его в Железный

Лес в тот день — что-то кроме её сердца, покоящегося в заплечном мешке. И он чувствовал, что нечто, приведшее его сюда, было важно, значимо, а главное — *интересно*. А ведь его не так и просто было заинтересовать.

И вот теперь он находился здесь, соблазнённый предчувствием какого-то волнения, в надежде, что ведьма его не разочарует.

Она ответила не сразу, вместо этого принялась изучающе рассматривать этого странного мужчину, что приблизился к ней. Солнце светило ему в спину, так что лица было не разглядеть — только тёмно-зелёный дорожный плащ с капюшоном, коричневые брюки, ботинки из тёмной кожи и абрис растрёпанных волос.

— Я действительно восхищён твоими талантами, — продолжил он как ни в чём не бывало. — Ну знаешь, сеять хаос, где бы ты ни находилась. Вынуждать сильных мира сего сражаться за возможность обладать твоими знаниями. Это впечатляет.

Помолчав, она произнесла:

— Я не собиралась этого делать.

— А что собиралась?

Ведьма промолчала.

— Ну что ж, если ты задумаешь снова повернуть такое, — сказал он, — я бы с удовольствием понаблюдал и даже, возможно, поучаствовал, если только меня не поймают. Но сразу предупреждаю, что ни при каких обстоятельствах я не даю обещаний, от которых не смогу отвертеться. Обычно я не настолько прямолинеен, так что считай, тебе повезло — как друга предупреждаю.

— Друга? — Этого слова она прежде не слышала.

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

— Да, решил стать им прямо сейчас. — Он склонил голову набок. — Я что, твой первый друг? Ну что ж, поздравляю!

Она проигнорировала вопрос.

— Кажется, меня ты перед этим спросить забыл.

— Ну, насколько я вижу, тебя не осаждают поклонники. — Он внимательно посмотрел на неё. — Если честно, ты мне видишься не более чем мирной колдуньей из лесной глуши. Я очень давно не слышал говора, подобного твоему. Удивительно, что асы вообще смогли разобрать твою речь. Кто ты? Откуда пришла?

— Я не знаю, — призналась она немного погодя. Женщина наклонила голову так, чтобы видеть его, но он не мог продолжать рассматривать её. — Я могла бы задать тебе тот же вопрос, и ты, вероятно, тоже не смог бы ответить.

— Да ну? — Он присел на корточки и пристально посмотрел на неё.

Теперь ей стало видно его бледное угловатое лицо, острый, слегка вздёрнутый нос, придававший ему озорной вид, и тёмно-русые волосы до плеч — не то волнистые, не то кудрявые. Глаза у него были травянисто-зелёные; он задорно улыбался.

Ведьма кивнула в ответ.

Уголки губ его слегка дрогнули:

— И с чего же ты это взяла?

— Я многое знаю, — сказала она. — Возможно, ты слышал об этом.

— Я, *возможно*, слышал, что тебя пронзили копьями и несколько раз сожгли как раз потому, что ты многое знала. Вероятно, отныне тебе следует просто прикидываться дурочкой.

— Какое же в этом веселье, — сказала она полушутливо, а её рука инстинктивно потянулась к вертикальной ране между грудями — сюда её пронзили копьём, вырвав сердце.

— Вот это я понимаю! — Он засмеялся, роясь в сумке, а через мгновение вытащил что-то завернутое в ткань и протянул ей.

Она взяла свёрток — и вздрогнула, когда почувствовала, что тот ритмично пульсирует в её руках.

— Твоё сердце, — пояснил он. — Сначала я собирался его съесть, но затем решил, что, может быть, стоит вернуть его тебе.

— *Съесть?* — спросила она, скорчив гримасу. — Зачем?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Чтобы посмотреть, что из этого получится.

— Если съесть сердце ведьмы, это совершенно точно не пойдёт никому на пользу, — сухо сказала она и нахмурилась, развернув ткань. — Похоже, оно порядком исцелилось после сожжения, но...

— ...Но в нём по-прежнему есть дырка, — закончил он за неё. — Тебя же проткнули. Возможно, рана полностью затянется, если ты поместишь сердце на положенное ему место. Можешь сделать это прямо сейчас — я не буду подсматривать.

— Повременю. — Она вернула ткань на место и вновь посмотрела на него. — Благодарю.

— Всегда пожалуйста. — Он сел, вытянул одну ногу и положил локоть на другое колено. — Итак, как я понимаю, тебя больше не Гульвейг звать. А как теперь?

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

— Я точно не знаю. — Она искоса взглянула на него, а он в это время выдернул из земли длинную травинку, сунул в рот и лениво пошевелил ей из стороны в сторону. Ей в глаза бросилась россыпь веснушек на его носу и щеках и то, как солнце, оказавшись позади него, окрасило контур его волос в ярко-оранжевый цвет. Этот гость по-прежнему был для неё загадкой. Было непросто решить, как много стоит ему рассказывать.

— Ты не знаешь своего собственного имени? — уточнил он, подняв брови.

Она пожала плечами.

— Я хотела путешествовать, так что в странствиях меня всё равно бы как-то называли — в зависимости от того, куда они меня заведут. — Она бросила взгляд через реку на серые заросли Железного Леса. — Хотя, возможно, я всё же решу задержаться здесь ненадолго.

— И как же ты станешь *сама* себя называть, если останешься?

Она обдумала его вопрос минуту-другую, а затем ответила:

— Ангербода.

Он сморщил нос, и травинка поникла.

— Как? «Та, что приносит горе»? Что за странное имя... Зачем мне становиться твоим другом, если только этим ты и собралась заниматься?

— Это ты решил, что мы друзья, — возразила она. — Да и горе я принесу не тебе.

— Неужели все ведьмы такие же загадочные, как ты?

— Не уверена, встречала ли я других ведьм, но мне кажется, что некоторые из них тоже некогда жили в этих лесах. — Она снова посмотрела на другой берег

реки и почти благоговейно понизила голос: — Говорят, здесь обитала одна колдунья, что породила волков, преследующих солнце и луну, и дала жизнь многим другим.

— Точно. Я слышал о них истории в детстве. Старуха и её волчьи дети.

— Ты слышал эти сказки в Асгарде?

— Вообще-то, *родом* я не из Асгарда. Но, так или иначе, все здесь знают эти истории.

— Ты ётун-великан, — произнесла она. Это было предположение с её стороны, но в голосе не прозвучало вопроса. На самом деле слово «великан» было не совсем подходящим: это было определение, а не описание, потому что своими размерами великаны чаще всего не превосходили обычного человека. И хотя её гость, несомненно, был одет как один из богов-асов, иногда по внешнему облику было невозможно отличить бога от великана.

Но этот мужчина, путешествующий один и совершенно не скрываясь... В нём было что-то дикое, что-то в его глазах наводило на мысли о дремучих лесах и самых длинных летних ночах. Что-то необузданное, неукротённое.

Разве он может быть богом?

Он пожал плечами в ответ на её догадку.

— Вроде того. Во всяком случае, сейчас здесь довольно пустынно. Не осталось ни волков, ни их прародительницы-ведьмы...

— Верно. — Она вновь устремила взгляд на лес за рекой, почувствовав укол боли в пустой груди. — Но, быть может, это была я. Быть может, я была их матерью.

СЕРДЦЕ ВЕДЬМЫ

— Но ты не помнишь точно?

Она покачала головой:

— Увы.

Между ними повисла тишина, и он пошевелился. У неё возникло ощущение, что он ненавидит, когда разговоры на время стихают; он казался человеком, которому нравится слушать свой голос.

— Что ж, — произнёс он наконец, — хочу, чтобы ты знала, что отныне моя главная цель — не обращать внимание на все твои печальные пророчества, а вместо этого делать всё, что мне заблагорассудится.

— Нельзя просто *не обращать внимание* на пророчества.

— Можно, если очень постараться.

— Не уверена, что всё так легко.

— Хм... — Он закинул руки за голову, прислонился к дереву и заносчиво заявил: — Может быть, я просто посмекалистее тебя буду.

Она насмешливо покосилась на него.

— И как же *тебя* тогда зовут, о Хитроумный?

— Я скажу тебе, если ты покажешь мне своё лицо.

— Покажу, если пообещаешь не отпрянуть в ужасе.

— Я уже сказал, что назову тебе своё имя. Больше ничего обещать не могу. Но поверь, желудок у меня здоровый — я ведь собирался съесть твоё сердце.

— Не такое уж моё сердце и мерзкое, поверь.

И всё же она приподняла капюшон, открывая синие-зелёные глаза под тяжёлыми веками и коричневую щетину обожжённых волос. Цвета они были не такого, как у Гульвейг, но Ангербода решила, что уж это имя и всё, что с ним связано, она должна оставить позади и никогда больше не вспоминать о нём. В её жизни